
А. С. ЧИЛИНГАРЯН

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА

В настоящей статье, не претендуя на бесспорность выводов, автор рассматривает некоторые аспекты формирования и проявления интеллектуальных возможностей человека.

Под «интеллектуальными возможностями» в данной работе подразумеваются те биоморфологические образования в мозгу человека, подобно которым нет в мозгу ни у одного из высших животных и с которыми, безусловно, связано интеллектуальное развитие человека и вся его духовная деятельность. При этом делается попытка по возможности сочетать и философскую, и биологическую стороны рассматриваемой проблемы. Заранее следует оговориться, что анализ и выводы, касающиеся биологической стороны вопроса, основываются на уже имеющихся естественно-научных исследованиях. Еще одну оговорку считаем необходимой: рассматриваемый период, т. е. период формирования человека и его интеллектуальных возможностей отстоит от нас очень далеко. Об этом периоде и о протекавших тогда каких-либо процессах невозможно привести сколько-нибудь значительных естественно-научных фактов. Поэтому рассуждения об этом периоде, хотя и отталкиваются от современных знаний о высшей нервной системе, о ее деятельности у высших животных и у человека и, конечно, от данных современной антропологии, все же содержат в себе большой элемент логических доказательств. Можно даже сказать, что проблема перехода от животного мира к так называемым австралопитековым обезьянам, от них к гоминидам—ближайшим предкам человека и, наконец, к человеку, обычно излагается преимущественно в виде логически доказуемых построений. Эта особенность изложения присуща и настоящей работе.

Естественные предпосылки возникновения человеческого интеллекта

До того, как стать человеческим, мозг долго изменялся и формировался, проходя эволюцию животного мира. Даже в нынешнем своем виде мозг человека и его функционирование довольно ясно указывают на его животное происхождение.

Как произошел этот переход от животного состояния к человеку? Существует ряд факторов, имеющих всеобщий характер и значение для всего развития животного мира на всех его этапах. На основе этих факторов можно судить с некоторой приближенностью об этом переходе.

К ним относятся: законы наследственности и изменчивости, внутривидовой и межвидовой борьбы, естественного отбора и т. д., а также такие факторы, как коллективный образ жизни животных (в том числе и предков человека), действие жизненных потребностей, которые удовлетворяясь постоянно возрождаются, нарастая и усложняясь, и которые своей настоятельностью и неотложностью принуждают животных к определенным действиям. Они-то как раз в каждом конкретном случае обуславливают непосредственный процесс изменения и развития в животном мире.

Биологические законы, которые упоминались выше, достаточно хорошо изучены и изучаются в биологии. Для нас они подразумеваются как исходные положения, как данные.

Наибольший интерес с точки зрения рассматриваемого вопроса представляют два фактора, а именно: коллективный образ жизни и жизненные потребности.

а) Коллективный образ жизни

«Наши обезьяноподобные предки были общественными животными,— пишет Ф. Энгельс,— вполне очевидно, что нельзя выводить происхождение человека, этого самого общественного из всех животных от необщественных»¹.

Коллективный или стадный, словом, групповой образ жизни не является исключительной особенностью предков человека. Это, если можно так сказать, есть одна из наиболее «точно найденных» природой форм существования и развития особей в органическом мире.

Коллективный образ жизни предков человека, как и других животных, обусловлен относительно однородными природными условиями. одинаковой характеристикой анатомии их тела, взаимоотношений с внешней средой и т. д.

Таким образом, значение коллективного образа жизни для перехода от животного царства к человеку заключается в том, что благодаря ему появились *новые и постоянно возрастающие жизненные потребности*, для удовлетворения которых от предков человека требовались *новые формы поведения и деятельности*, приведшие впоследствии к *коренным изменениям образа их жизни и их самих*.

б) Постоянство и неотложность жизненных потребностей

Нужно отметить, что роль потребностей в истории развития человечества изучена совершенно недостаточно. Это особенно относится к рассматриваемому периоду, когда в организме предков человека пока не было или почти не было ничего «человеческого» и все пока еще только возникало и формировалось. В этом первоначально созидательном процессе важнейшая, можно даже сказать, решающая роль принадлежит потребностям. Благодаря своей повседневности и неотложности, жизнен-

¹ Ф. Энгельс, Диалектика природы, М., 1952, стр. 134.

ные потребности играли роль постоянного побудителя к действиям, а также к изменениям и новообразованиям. С другой стороны, потребности как бы корректировали и «формовали» эти новообразования, т. е. фиксировались и закреплялись в организме не всякие изменения, а лишь те, которые своим характером соответствовали сущности данной потребности (потребностей). Все остальные (т. е. особи—обладатели других качеств) жесточайшим образом «забраковывались в силу закона естественного отбора, благодаря чему оставались жить и размножаться те особи, которые обладали примерно одинаковыми качествами, в силу которых они оказывались приспособленными к среде. Этому в огромной мере способствовал коллективный образ жизни наших предков. Любое вновь возникшее приспособление или приобретенная функция, облегчающая процесс удовлетворения потребностей, благодаря коллективному образу жизни приобретали всеобщий характер.

Но подобная «унификация» была не единственным направлением биоморфологического развития наших предков. Как бы ни были однородными потребности и сила воздействия внешних условий, каждая из особей, в силу своих возрастных, половых, физиологических и прочих особенностей (пусть даже незначительных), с неизбежностью, в чем-то должна была отличаться от других. Отличие это могло быть как в восприятии и усвоении воздействия внешних факторов, так и в формах и способах проявления своих возможностей, в самом процессе жизнедеятельности. Таковы, на наш взгляд, наиболее общие характерные черты предыстории человечества, и те условия, при которых происходили процессы развития и перехода от животного состояния к человеку.

Предысторию человечества, т. е. процесс преобразования предков человека до возникновения «*homo sapiens*»-а, и само это возникновение, мы делим на два главных этапа. Заранее отметим, что деление это имеет условный характер, т. е. цель его является не палеонтологическая периодизация, а лишь облегчение рассмотрения некоторых аспектов зарождения обычных средств и условий их существования было уже недостаточно и над ними висела постоянно усиливающаяся угроза гибели. Совершенно очевидно, что именно из-за такого «кризисного» положения могло начаться то значительное движение и активизация, которые затем привели наших предков на путь очеловечения.

Стало быть, это должен был быть период дальнейшей активизации органов тела наших предков, в том числе, конечно, и мозга и центральной нервной системы, период приобретения новых, более значительных функций теми же органами, а соответственно и новых условных рефлексов в мозгу. Изучение высших обезьян (особенно шимпанзе), которые наиболее близко стоят к человеку своими «способностями» тем, чему ния интеллектуальных возможностей человека.

На первом этапе в организме предков человека, вероятно, не могли иметь места какие-либо значительные морфологические изменения в «человеческую» сторону. По логике вещей это скорее должен был быть период некоего кризиса «старого способа жизни» наших предков, когда

можно их обучать или чему сами обучаются, доказывает истинность этого положения. «Обитатели тропических лесов Африки—шимпанзе, отыскивают пищу среди густых зарослей,— это обуславливает развитие зрения. Они находят пищу в расщелинах скал и дуплах деревьев. Это требует развития осязания. Жизнь и передвижение на деревьях развивают мышечное восприятие, глазомер и ловкость движения»².

Хочется указать на способность мозга обезьян, притом, невысокоразвитых, усваивать новые, совершенно не вытекающие из их образа жизни функции и способности. Правда, в наши дни изменение обстоятельств жизни обезьян и выдвижение новых задач перед ними—в огромной мере является делом рук человека. Но нечто подобное, безусловно, могло иметь место и в случае с предком человека из-за уменьшения, а затем и исчезновения тех видов пищи, которые составляли основу жизни, а также из-за изменения других условий их существования. К этому нужно добавить и то, что обезьяноподобные предки человека уже тогда стояли намного выше, чем все настоящие обезьяны, а возникшие перед ними проблемы были намного суровее и с еще большей настоятельностью принуждали предпринимать действия для того, чтобы выжить.

Таким образом, в упомянутый (первый), так сказать, кризисный период, поскольку и речи быть не могло о физиоморфологическом приспособлении (ибо для этого требовались бы немыслимо ускоренные изменения), приспособление к условиям и выживание у наших предков могло иметь, главным образом, функциональный характер. То есть, при том же строении мозга и всего организма у предков человека должны были появиться более эффективные функции, чем были до этого. Переход к новым видам пищи и к новым условиям существования, бесспорно, не мог осуществиться на основе прежних функций и навыков. Австралопитековые обезьяны,—пишет Я. Я. Рогинский,—исчерпав источники обычных (растительных) средств к существованию, вынуждены были перейти к новым видам пищи, а именно, питаться павшими животными или же охотиться на мелких животных, что было для них непривычным делом. Для этого они стали пользоваться острыми камнями или костью крупных животных. «Примерно около 80 процентов черепов павианов, которые были обнаружены в тех пещерах, где были найдены австралопитековые обезьяны, имели на себе следы раскалывающих ударов, нанесенных камнем или костью крупных копытных»³.

Если подойти к вопросу с иной точки зрения, то упомянутый первый этап можно определить прежде всего как период возникновения новых жизненных потребностей у наших предков. Это были несколько особые потребности. Они уже не могли быть удовлетворены одним или несколькими видами пищи, как это видим во всем остальном животном мире. К тому же не все из этих видов пищи можно было найти легко или в гото-

² Г. З. Рогинский, Психика человекообразных обезьян, 1945.

³ Я. Я. Рогинский, Наука о происхождении человека, Материалы к лекции, 1955, стр. 15.

вом виде. Их нужно было не только *отыскивать*, но и *доставать* (добывать).

Эти взаимодействия между потребностями и действиями по их удовлетворению, чем дальше, тем больше должны были осложняться, ибо, как известно, удовлетворенные потребности возраждаются во все более сложных формах. Все это должно было неминуемо привести к глубокой и новой специализации всех органов, а еще более—мозга предков человека.

Особо подчеркиваем повышение активности мозга наших далеких предков в указанный период их развития. Можно даже этот период считать в какой-то мере переломным с точки зрения общего значения мозга для всего организма. Видимо, именно в этом периоде мозг перестал быть органом простой фиксации инстинктивных поступков, или примитивной регуляции поведения и ориентировки животных в среде. Он постепенно становился активно организующим органом. В создавшихся «кризисных» условиях мозг, и до того будучи наиболее развитым органом у всех животных, все более действенно должен был участвовать в добывании пищи и в общем процессе жизнедеятельности. Бесконечные поиски и манипуляции, повторения и пробы по добыванию пищи должны были, в конце-концов, привести к *запоминанию предметов*, которые наиболее легко поддаваемы усвоению и были результативными, как пища к *запоминанию очередности* и элементарному *осознанию последствий* своих поступков и т. д. Мозг, таким образом, становился средоточием наиболее важных жизненных функций, вернее, их производителем, от него все больше зависело выживание предков человека. Мозг, который во все времена и у всех животных является *наиболее развитым из всех органов*, выполняет функцию обеспечения *надежности существования*. У предков человека в описываемый период, когда природно-готовых средств к существованию становилось все меньше, *надежность существования* могла заключаться в том, что мозг мог действовать уже не только в связи с каждым актом голодания и добывания пищи, но и в отрыве от него, *сохранить* в себе *умения и способы* этого добывания, как постоянную предпосылку его.

Таким образом, в указанный период перед предками человека, помимо всех новых потребностей, появилась еще одна, можно сказать, наиболее существенная потребность, а именно, *потребность в умственной деятельности* как один из важнейших компонентов их выживания и жизнедеятельности. А потребности, как известно, или порождают соответствующую приспособленность и функции, и тогда особи и весь данный вид выживают, или же, в обратном случае, погибают.

Появление у наших предков *способности* (пусть весьма примитивной) *запоминать* и *осмысливать* наиболее важные для существования предметы и поступки с их последствиями, о которой шла речь, была обусловлена потребностью в умственной деятельности.

Таким образом, указанный первый этап развития гоминидов в сторону человека можно считать также *периодом зарождения его интеллек-*

туальных задатков, которые в создавшихся тогда условиях являлись единственным средством выжить.

Согласно этому утверждению элементы сознания (а может быть и элементарное сознание) и примитивная мыслительная способность у предков человека появляется на основе их инстинктивной деятельности.

Такое утверждение может вызвать возражения, ибо на первый взгляд оно противоречит общепринятой точке зрения, согласно которой мыслительная деятельность и все человеческое сознание является продуктом трудовой деятельности. Однако, на наш взгляд, возражения здесь были бы беспочвенны. И вот почему: если точку зрения о том, что трудовая деятельность обуславливает (а, стало быть, и предшествует) мыслительную деятельность—понимать буквально, при том, под «трудом» понимать целеполагающую *производственную* деятельность с применением орудий (т. е. так, как вообще принято понимать «труд»), то можно прийти к абсурду. Ибо для труда требуется наличие сознания. А сознание ведь и должно было зародиться в результате трудовой деятельности. Это даже логически несостоятельно, ибо доказуемое уже содержится в предпосылке.

Такое понимание, кроме того, оставляет невыясненным вопрос о том, откуда же проявился труд как таковой? Что обусловило целеполагающий характер труда? А ведь это не менее важные вопросы, чем если считать труд, как данное, и попытаться уяснить—как все остальное обусловилось трудом.

В настоящее время выдвигается точка зрения об одновременности происхождения сознания и труда⁴. Ценность такой точки зрения, на наш взгляд, заключается в том, что она не считает проблему происхождения сознания окончательно решенной и открывает место для дискуссии.

Но если судить по существу, то нам кажется, что труд не мог появиться ни до, ни вместе с сознанием. Ибо, для своего осуществления труд, как таковой, в любой своей форме нуждается, как уже отмечено, в субъективном моменте, как в предпосылке. Наличие субъективного момента, который выступает и как предпосылка труда, и как целесообразность его, является первой и самой основной отличительной чертой его по сравнению с манипуляциями животного и *животной деятельностью*, которые осуществляются стихийно-инстинктивным образом и регулируются лишь посредством рефлексов.

Кроме того, не только начало и ожидаемый результат *труда*, но и *самый процесс созидания* нужной вещи являются *осмысленно-целесообразным*.

Однако и это не достаточно полно характеризует труд «как таковой». Думается, что для зарождения труда, кроме уже в какой-то мере «думающей головы» нужны были «думающие руки» и вообще «целесообразно» устроенный (устраиваемый) организм. Иначе говоря, наш далекий предок своими, пока еще обезьяними, лапами не мог осуществить

⁴ См. «Вопросы философии», № 2, 1967 г. (статья Гурьева).

то, что мы называем трудом, даже в самых ранних формах его проявления. Для того, чтобы эти лапы стали способными осуществить трудовую деятельность, нужно было, чтобы они весьма значительно преобразились (разумеется, речь идет не только о внешних формах). Но это могло произойти или при невероятно бурных физиоморфологических изменениях, или же за весьма длительное время. Ясно, что ни то, ни другое не могло стать выходом из создавшегося тогда положения.

А для того, чтобы стать способной запоминать наиболее необходимые предметы, осмыслить свои поступки с их последствиями и «удержать» способы добывания пищи *в отрыве* от этого добывания, или же создавать новые сочетания из уже усвоенных манипуляций, у головы далеких предков человека были все предпосылки, если добавить к этому, что все перечисленные «способности» могли и должны были быть тогда весьма примитивными с точки зрения нынешнего состояния сознания.

Предки человека постепенно, через бесконечные случайности «набрели» на этот, единственно возможный, или, хочется даже сказать, *наиболее доступный тогда путь*, поэтому и выжили.

Такое «сознание» еще *не делало человеком* нашего обезьяноподобного предка. Оно вероятно, обладало какими-то звуковыми средствами общения, но это еще не было сознание, «как таковое», т. е. *человеческим сознанием* в нынешнем понимании этого слова.

Но решающим было тогда не то, насколько широко охватывало это сознание действительность и как глубоко проникало оно в нее, а в том, что в условиях сложнейших взаимоотношений со средой, даже такое примитивное сознание становилось надежным и постоянно с нарастанием, действующим средством, обеспечивающим существование наших предков.

Этим, однако, не исчерпывается значение происхождения сознания у обезьяноподобных предков человека. Подобно всяким другим, вновь возникшим фактам, появившееся сознание приобрело в дальнейшем гораздо большее значение и занимало более глубокие и далеко идущие последствия, и его нельзя рассматривать лишь как результат действия определенных закономерностей и факторов того времени.

Оно в течение последующих тысячелетий должно было крупную за крупницей вносить *элемент рациональности и действительной* целесообразности в действия и взаимоотношения наших предков. Их беспорядочно-стихийные движения и животная деятельность, управляемые лишь рефlekсами, постепенно должны были освободиться от ненужных повторов, корректироваться и приобрести все более благоприятную характеристику с точки зрения труда. Стало быть сознание, пусть даже такое элементарное, должно было способствовать формированию труда из животной деятельности.

Постепенно превращаясь в механизм хранения и передачи наиболее существенного из того, что приобрели предшествующие поколения, сознание в то же самое время становится сильным и важным фактором, оказывающим воздействие и на биологическую сторону жизни предков

человека. Тем самым, этот, по существу мизерный, но все же субъективный элемент становится одной из важнейших предпосылок дальнейшего *биоморфологического* процесса жизни наших предков, приобретая тем самым с самого начала предметный, материальный, словом, решающий характер для дальнейшего развития наших предков, для превращения их в «*homo sapiens*».

Период наиболее интенсивного процесса зарождения и формирования интеллектуальных возможностей человека

Этот период был подготовлен и обусловлен всем предшествующим ходом развития гоминидов.

Все факторы, действующие в первом периоде, должны были, видимо, продолжать действие и во втором. Но они здесь приобретают несколько иной характер. Коллективный образ жизни развивается и способствует выработыванию новых форм общения между особями, новых форм коллективных действий. Постепенно формируется и крепнет социальная среда со своими специфическими отношениями, которые со временем становятся доминирующими над многими зоологическими связями, а затем и совсем вытесняют их. Что касается жизненных потребностей, то они, как всегда, возрождались во все более сложных формах после своего удовлетворения, постепенно *ускоряя темпы* всеобщего развития наших предков.

Но наиболее важным фактором, характеризующим весь этот период, явился *формирующийся* из животной деятельности *труд*, который обусловил собой все последующие изменения жизни и организма предков человека.

Все это, вероятно, должно было привести к новой, но весьма значительной приспособленности к среде, стало быть, и новому, бурному размножению. Вследствие этого, видимо, возник еще один, гораздо более жестокий кризис, но уже не от того, что не хватало природных средств к существованию (ибо уже до этого был найден способ удовлетворения потребностей с помощью сознания и труда), а кризис между чрезмерно возросшими потребностями и неспособностью предков человека того периода удовлетворить их этими новыми средствами.

Противоречие это могло быть разрешено или исчезновением данного вида животных, или же посредством новых изменений, но уже не в смысле активизации прежних органов или приобретения ими новых функций, как это было в первый период докроманьонского развития, а в смысле коренного преобразования органов и их функций. В этот период, видимо, из каждого поколения выпадали отдельные особи или целые подвиды, неподдающиеся изменениям, и оставались те, которые были наиболее пластичными и легко поддающимися изменениям.

Изменения, вероятно, должны были проходить по двум линиям: по линии преобразования органов тела (ибо речь шла и об усилении физической деятельности) и нагрузок, и, главным образом, по линии развития

мозга и образования в нем таких интеллектуальных возможностей, которые отсутствуют у остальных животных. Мы говорим «главным образом мозга», так как всякая другая (внешняя) деятельность и всякие изменения внутри организма в конечном счете должны были отражаться в центральной нервной системе, т. е. в мозгу.

Важнейшей закономерностью, управляющей формированием человеческого мозга и его интеллектуальными возможностями, как это явствует из всего вышесказанного, опять же нужно считать обуславливающий характер жизненных потребностей по отношению ко всякой форме деятельности предков человека, а решающим условием — коллективный образ их жизни.

Роль потребности в этот период должна была заключаться в следующем: поскольку уже в мозгу содержались в идеальной форме «эталоны» того, что было «можно» и что «нельзя», то именно после «санкции» мозга могло осуществиться всякое функционирование органов тела.

Но, когда в силу вновь возникающих ложных потребностей оказалось, что нужны новые формы действий, а в мозгу нет достаточного количества необходимых «эталонов», то они («эталоны») или должны были выработаться, а это уже означало коренные морфологические изменения в мозгу, или, если все оставалось по-прежнему, особи или весь данный вид животных должен был неминуемо вымереть. Многие особи может быть и вымерли. Но, видимо, нашлись и такие, у которых начались эти изменения. У них очевидно появлялись особые центры или «замыкающие системы»⁵ в мозгу по осуществлению наиболее важных функций, связанных с проблемой существования по-новому и по регулированию новых взаимоотношений между особями. Таковыми могли явиться, например, центры по *осмыслению* сведений органов чувств, т. е. аппарат по превращению «энергии внешних раздражителей» в факт сознания», центры по *управлению* конечностями в их действии по-новому (связанных с трудовым процессом) и по «сложению» за *точностью* их действия, центр запоминания (памяти) и т. д. Иначе говоря, мозг «перекраивался» заново.

В дальнейшем нагрузка мозга увеличивается еще больше в связи с появлением запаса знаний и формированием духовного мира, который становится новым источником проблем, нуждающихся в решении, конечно, и источником средств решения этих проблем. В увеличении нагрузки мозга важное место принадлежит языку, который, видимо, должен был неминуемо зародиться вместе с элементарной мыслительной способностью, как единственной возможности ее осуществления и который, формируясь из различных звуковых средств общения наших предков, постепенно развивался и приобретал нарастающее значение и для общения и, стало быть, для мыслительной деятельности. Необходимость языка обусловлена была не только потребностью передавать друг другу

⁵ Н. А. Бернштейн, Очерки по физиологии движений и физиологии активности, М., 1966.

приобретенный запас знаний, но и сохранить этот запас. Язык должен был стать важным средством существования духовного мира, тем более, что запасы знаний оказывались не только «вплетенными в непосредственный трудовой процесс» (К. Маркс и Ф. Энгельс), но могли, и по необходимости должны были быть также и «оторваны» от него и произноситься свободно, как слово, вызывая у слушателя точно такую же реакцию, что и сам факт, обозначаемый этим словом.

Велика должна была быть роль языка в морфологическом изменении гоминидов. Для осуществления общения через язык необходим был речевой аппарат, а именно, так называемая артикуляционная база и соответствующий центр речи в мозгу. Возникновение языка, как одной из самых значительных интеллектуальных возможностей человека, видимо было в то же время одним из тех новых важных факторов, которые, воздействуя на процесс развития мозга гоминидов, придавали особую, в чем-то единую, характеристику происходящим там биоморфологическим преобразованиям, направляя их к «человеческому» пути.

Вышеизложенное можно суммировать следующим образом: мыслительная, а затем и трудовая деятельность первоначально *появились у гоминидов*, т. е. у еще *животных предков человека* (а не у человека). Как важнейшие средства к выживанию и жизненные функции, мыслительная, речевая и трудовая деятельность в дальнейшем преобразовывают весь организм гоминидов, в том числе и мозг, превращая его в человеческий.

Поэтому мыслительная и речевая способности в виде возможности, могущей всегда проявиться при необходимых условиях, оказались вплетенными в самую «ткань», т. е. в биологическое строение мозга.

В доказательство этого утверждения можно привести весьма интересный факт, имевший место в Персии при царстве Шах-Аббаса, о котором свидетельствует армянский историк XVIII века Хачатур Джугаец⁶. Чтобы решить вопрос о том, язык какого народа древнее, или, как тогда думали, какому народу раньше всех бог даровал язык, Шах-Аббас приказал собрать малолетних детей, представителей всех национальностей, живущих в г. Исфагане, и категорически запретил при них произносить хотя бы одно слово. Язык того, кто раньше всех заговорил, и должен был считаться древнейшим. По истечении некоторого времени, когда их сверстники уже довольно свободно говорили на своем языке, собранные по приказу шаха дети (около 50 человек), естественно, не могли говорить. Они чурались своих матерей, набрасывались на пищу с дикими воплями, объяснялись между собой никому непонятными возгласами и криками. О языке не могло быть и речи. Чтобы не допустить зарождение еще одного, столь дикого, диалекта, шах приказал уничтожить этих детей. Но затем видимо, во избежание гнева народного, решил вернуть детей своим

⁶ Об этом см. Г. Ачарян, Полная грамматика армянского языка в сравнении с 362 языками, Введение, Ереван, 1955, стр. 181—185 (на арм. яз.).

родителям. Прошло еще немного времени и дети, как и следовало, заговорили вполне нормально.

Нечто подобное происходит иногда и в наши дни. Звери джунглей утаскивают новорожденных детей из окрестных деревень. Некоторые из них выживают и долго живут в лесах, естественно, без какого-либо общения с людьми, и, стало быть, не умеют говорить (конечно и мыслить). Но после того, как они снова попадают к людям, медленно, но все же, в конце-концов, обретают дар речи, способность мыслить и т. д.

Правда, такого уровня развития и такой активности *человеческой* деятельности, присущих их сверстникам, они никогда не достигают. Более того, многие из них вскоре погибают, или очень недолго живут. Но, если бы выжил даже один и заговорил бы, то и это было бы достаточным доказательством вышензложенного утверждения. Конечно в том, что такие люди в конце-концов заговаривают, *немалая*, можно сказать *решающая* роль принадлежит человеческой породе. Но ведь ни одно животное, даже самое высокоразвитое, как бы долго оно ни жило среди людей, никогда не заговорит. Ибо дело еще и в самом строении, так сказать, в структуре речевого и мыслительного аппарата, по наследству перешедшего к ребенку, долгое время «молчавшего» и все же сохранившего способности пробуждаться. Этого аппарата нет у животных.

Но означает ли это, что для каждой конкретной формы мыслительной деятельности в мозгу формировавшегося человека появились специальные структуры, какие-то морфологические образования? И что, теперь одареннее того, у кого больше таких морфологических особенностей? Безусловно нет! Это было бы физически невозможно, просто немыслимо. А для современного состояния интеллекта — тем более.

Но дело не в том, что это было невозможно. Оно было и не нужно. Пример языка и тех некоторых постоянных интеллектуальных центров, о которых шла речь (центры по осмыслению сведений органов чувств, по руководству и переживанию за точностью функционирования конечностей и т. д.) наглядно показывает это. Так, абсолютно невозможно сейчас установить—на основе какого запаха в мозгу обезьяноподобных предков впервые образовался центр, *осмысливающий* показания обонятельного органа (носа). Но после того, как это произошло, не нуждаясь в дальнейших морфологических перестройках, нос со своим центром в мозгу *вообще может* различать запахи. В этом и заключается *интеллектуальная возможность*, способная проявляться по самым различным поводам и причинам.

Еще более интересен пример языка. Уже не говоря о том, что речевой аппарат одного человека, не подвергаясь никаким морфологическим изменениям, способен удерживать в себе более одного языка, каждый отдельный язык, обладая считанным количеством звуковых различий или же символических знаков (букв), имеет возможность отражать и описывать бесконечное количество предметов и отношений.

Эта закономерность в равной мере относится ко всем интеллектуальным возможностям.

* *
*

После всего этого может возникнуть естественный вопрос: какое к нам, современным людям, имеет отношение мозг нашего обезьяноподобного предка с его перипетиями, отстоящими, к тому же, от нас на сотни тысяч лет?

Для ответа нужно исходить, видимо, из следующих предпосылок:

1. В наши дни, как по линии общественной, так и по линии индивидуальной, все более активным становится умственный труд, т. е. из «кладовых» человеческих интеллектуальных возможностей берутся все новые и новые «пласты».

Однако не только не чувствуется никакого «истощения ресурсов», но, чем дальше, тем более становится очевидным, что они просто бесконечны.

2. По данным естествознания (см. статью Саркисова и Зворыкина в «Вопросах философии», № 10, за 1961 г.) после формирования кроманьонского человека его мозг и весь организм не подверглись сколько-нибудь значительным морфологическим изменениям. По крайней мере таким, которые стали бы основой новых интеллектуальных возможностей.

Откуда в таком случае, берутся все эти мыслительные возможности, эти интеллектуальные ресурсы?

Первый вывод, напрашивающийся сам по себе, это то, что развитие человека и человечества, в отличие от всех остальных животных после определенного периода, т. е. после формирования основных интеллектуальных возможностей, *осуществляется не за счет морфологического процесса в организме*. Но такой вывод был сделан уже давно. «Человек существенно отличается от всех остальных млекопитающих в том отношении, что тогда, как приспособление их к новым условиям может быть достигнуто только изменением в строении их тела, человек может приспособиться к гораздо большим изменениям в окружающих условиях благодаря своему умственному развитию»⁷. А как понять это «умственное развитие» в данном случае? Думается, в данном, и во всех других случаях умственное развитие нужно понимать как *приобретаемое* (человеком или народом) *умение разностороннего* использования имеющихся интеллектуальных возможностей. При этом, ни в течение жизни одного человека, ни в течение долгих столетий, строение мозга может не меняться, или почти не меняться, но в зависимости от количества, сложности и важности задач, каждый раз возникающих перед ним, проявит свои возможности и решит эти задачи так, как это возможно в данных условиях. *Опыт решения* этих задач, приобретенные при этом *знания*, навыки и, что не менее важно, *уверенность* в свою способность—

⁷ См. Р. А. Уоллес, Дарвинизм, Изложение теории естественного отбора, 1898, стр. 696.

решать задачи, все то закрепляется благодаря *памяти* (а в дальнейшем и письменности) и складывается в своего рода «арсенале», как *вновь приобретенные интеллектуальные возможности*. И получается так, что для решения каждой новой задачи мозг имеет гораздо более широкие возможности, чем это было раньше. Но это обусловлено не тем, что в его строении происходят какие-то изменения, а потому, что из имеющихся и приобретаемых вышеуказанным путем возможностей как бы составляются все новые и новые сочетания и вариации, в соответствии с духом решаемых задач. К этому хочется прибавить еще и тот немаловажный факт, что ключ к решению проблемы, как правило, кроется в самой проблеме. Задача мозга заключается именно в том, чтобы, пользуясь имеющимися интеллектуальными возможностями, своим и «чужим» опытом отыскать этот ключ.

Если теперь это отнести к людям или народам, то получится следующее: уровень или темпы их духовного развития определяются не тем, каково строение их мозга, отличающее одних от других, а тем, насколько широки и сложны были проблемы, которые они решали и решают, каковы *накопленный опыт, навыки, отразившиеся* в психике личности или психологии народа, нации.